

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.5

УДК 316.4 | ББК 60.524

© **Шахова Е.В.**

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ШАХОВА

Алтайский государственный университет

Барнаул, Российская Федерация

e-mail: ews05@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-1980-2989](https://orcid.org/0000-0003-1980-2989)

Процессы, способствующие росту разобщенности во всем мире, актуализируют изучение вопросов социальной интеграции населения. Цель исследования заключается в изучении особенностей социальной интеграции населения в приграничных регионах Российской Федерации, различающихся по социально-экономическому положению (Алтайском крае, Калининградской области, Воронежской области, Хабаровском крае), на основе следующих показателей: идентичность, гражданская позиция, чувство гордости или стыда за свою страну, наличие народного единства в России. В работе представлен анализ результатов социологического исследования, проведенного в 2021 году на территории названных регионов. Выявлено, что рассматриваемые показатели социальной интеграции населения зависят от социально-демографических показателей (возраст, пол, национальная принадлежность). Жители имеют высокий уровень гражданской идентичности, актуальны территориальная и профессиональная идентичности. Гражданская позиция жителей приграничных регионов реализуется чаще всего посредством привлечения внимания к проблемам, попыткам решения через средства массовой информации, интернет, онлайн-сервисы. Менее популярными видами проявления гражданской позиции выступают активное участие в общественной, культурной, спортивной, а также политической жизни страны. Отмечена негативная тенденция, связанная с тем, что жители регионов стали чаще испытывать чувство стыда за свою страну, реже говорят о наличии в России народного единства. Эти изменения оказывают отрицательное влияние на уровень социальной интеграции населения в приграничных регионах страны. Следовательно, данные вопросы требуют детального изучения, разработки и принятия комплекса мер для улучшения ситуации.

Социальная интеграция, приграничные регионы, идентичность, гражданская позиция, чувство гордости, чувство стыда, народное единство.

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Введение

Процесс социальной интеграции населения является объектом изучения различных наук, среди которых социология, психология, педагогика, философия, культурология и другие. На исследование сущности социальной интеграции направлены работы социологов (Гидденс, 2005; Гофман, 2012; Дюркгейм, 1991; Милкина, 2014; Сорокин, 2002; Спенсер, 1998; Berger, Luckmann, 1979; Giddens, 1982; Habermas, 1984; Parsons, 1973 и др.). Единого определения и целостной теории социальной интеграции в современной научной литературе нет. Обобщив взгляды ученых на процесс социальной интеграции, современные авторы выделяют два основных подхода, которые отражают его существенные стороны. В рамках первого социальная интеграция представлена как процесс, направленный на формирование целостности общества через взаимодействия его элементов и подсистем. В рамках второго подхода – как процесс включения индивидов и групп в социум через усвоение его норм, ценностей, совместную деятельность, коммуникацию (Табылгинова, 2011; Константинова, 2019).

В научной литературе акцент делается на анализ интеграции отдельных групп населения (мигрантов, людей с ограниченными возможностями здоровья), в связи с чем индикаторы, как правило, касаются интеграции именно этих групп. Остановимся более подробно на анализе интеграции мигрантов – процессе, посредством которого происходит адаптация мигрантов и принимающего сообщества друг к другу (Jimenez, 2011). Поиск индикаторов интеграции мигрантов активно велся с 1990-х гг. в Европейском союзе, в 2010 году они были

прописаны в Сарагосской декларации и характеризовали четыре направления: занятость, образование, социальная включенность, гражданство (Мукомель, 2016). В 2015 году в совместной публикации ОЭСР и Европейской комиссии были представлены сравнительные данные по интеграции иммигрантов и их детей с помощью 27 показателей в пяти сферах (занятость, образование и навыки, социальная интеграция, гражданская активность, социальная сплоченность)¹. Уникальным инструментом, измеряющим политику интеграции мигрантов, является MIPEX (Индекс политики интеграции мигрантов). В пятом издании (MIPEX 2020) представлены базовые показатели, описывающие ситуацию в странах на шести континентах за период 2014–2019 гг. Оценка MIPEX основана на наборе показателей, которые характеризуют 8 областей политики: образование, положение на рынке труда, доступ к услугам здравоохранения, воссоединение с семьей, долгосрочность пребывания, гражданство, защита от дискриминации, участие в жизни страны². В России оценка интеграции по MIPEX проводилась только в 2010 году.

На измерение интеграции иммигрантов направлены работы А. Cosciug (Cosciug, 2018), R. Careja, P. Bevelander (Careja, Bevelander, 2018), M. Wang, Y. Ning (Wang, Ning, 2016). Зарубежными авторами (N. Harder, L. Figueroa, R.M. Gillum и др.) в качестве прагматичного и многомерного показателя интеграции иммигрантов предложен индекс Лаборатории иммиграционной политики (IPL), который охватывает шесть сфер: психологическую, экономическую, политическую, социальную, лингвистическую и навигационную (Harder et al., 2018).

¹ Indicators of Immigrant Integration 2015. Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). URL: <https://www.oecd.org/publications/indicators-of-immigrant-integration-2015-settling-in-9789264234024-en.htm>

² Methodology. How does MIPEX decide the scores. Migrant Integration Policy Index 2020. URL: <https://www.mipex.eu/methodology>

Анализируя специфику социальной интеграции мигрантов в приграничных регионах России, С.А. Сарыглар и С.Г. Максимова используют следующие показатели: усвоение социальных норм и ценностей местного населения; усвоение образцов, правил поведения местного населения; знание истории, культуры принимающего сообщества; взаимоотношения с представителями диаспор в данном регионе (Сарыглар, Максимова, 2019).

Индикаторами интеграционных процессов общества А.Ю. Шадже, Е.С. Куква, М.А. Дубровин называют доверие и сплоченность (как два модуса человеческого капитала), считая, что именно их синергия формирует целостное наполнение происходящих изменений (Шадже, Куква, 2020; Дубровин, 2021).

Одним из индикаторов процесса социальной интеграции является гражданская идентичность. «Гражданская идентичность отражает интегрированность социального и полиэтнического пространства страны в целом, то есть не только прибывающих мигрантов, но и всех людей разных национальностей» (Дробижева, 2017). Под идентичностью принято понимать чувство самоидентичности, самоотождествления, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям (Щеглова и др., 2020).

К первичным факторам социальной интеграции общества в современной литературе относят общую территорию, язык, культуру, историю, государство, а также совокупность социокультурных параметров (общие интересы и цели, ценности и нормы, национальные идеи). Кроме того, факторы социальной интеграции могут быть выделены в различных сферах: экономической (механизмы, способствующие росту производства), социальной (меры, ориентированные на уменьшение социального неравенства, дискриминаций и т. д.), политической (степень доверия между государством и населением, а также совокупность средств, обеспечивающих рост такого доверия) и других. Важным условием интеграции является органический характер факторов, не насильно навязанный обществу (Константинова, 2019).

Е.С. Тихомирова выделяет факторы, которые (с условием их системности) способны оказывать содействие интеграции и кооперации населения России:

- «тип (способ) модернизации»;
- «ценностная система общества»;
- «развитие этики и нравственного сознания»;
- «человек и его развитие» (Тихомирова, 2016).

Социальная интеграция отражает совокупность различных взаимодействий человека и социокультурной среды. Для успешной интеграции индивид должен выполнять определенные действия, которые позволят ему войти в социокультурные взаимодействия общества. При этом в социуме также должны создаваться условия для его интеграции. Интеграция не может формироваться односторонне, это двусторонний процесс, то есть для сближения люди должны идти навстречу друг другу. Чем выше степень процессов взаимной симпатии, принятия и установления доверия в рамках совместной деятельности, тем выше уровень социальной интеграции населения (Шахова, Максимова, 2019).

Научной литературы, направленной на анализ социальной интеграции населения и ее показателей, не так много. На наш взгляд, в современных реалиях данные вопросы имеют значимый, актуальный характер. Ситуация, складывающаяся на территории России и всего мира в последние годы, свидетельствует о глобальных, динамичных изменениях во всех сферах общественной жизни. На сознание людей оказывает влияние неконтролируемый поток противоречивой информации, который приводит к росту напряженности в обществе. «Сегодня жизнеспособность и безопасность конкретного общества, особенно – российского, во многом оказываются в зависимости от способности его членов и структур к социальной интеграции, поэтому запрос на интеграционные теории и стратегии все более ощущаем» (Константинова, 2019). Особую значимость вопросы социальной интеграции населения приобретают в приграничных

регионах Российской Федерации, которые являются наиболее уязвимыми к дестабилизирующим процессам. Положение данных субъектов способствует притоку на их территории социальных групп, разнообразных по социальному и материальному статусу, этнической и конфессиональной принадлежности, уровню способностей к межкультурному взаимодействию, и доброму соседству, что может привести к обострению экономических, экологических, социальных, культурных, религиозных и других проблем (Каменева, Абраменко, 2018). Именно приграничные регионы играют значимую роль в обеспечении национальной безопасности страны и требуют особого внимания при изучении социальной интеграции населения.

Цель нашего исследования заключается в изучении особенностей социальной интеграции населения в приграничных регионах России (Алтайском крае, Калининградской области, Воронежской области, Хабаровском крае). Научная новизна работы состоит в том, что особенности социальной интеграции населения рассматриваются через следующие показатели: идентичность, гражданская позиция жителей, чувство гордости или стыда за свою страну, мнение о наличии народного единства в России.

Методы исследования

В статье приводится анализ результатов социологического исследования, осуществленного в четырех приграничных регионах Российской Федерации (Алтайском крае, Калининградской области, Воронежской области, Хабаровском крае) в 2021 году научным коллективом кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). Особенности социальной интеграции населения рассмотрены посредством показателей:

– идентичность и осознание своей принадлежности к сообществу граждан (наличие ассоциации с гражданами России; мера близости к общностям «граждане России», «жители одного региона», «жители одного города, села», «представители одной наци-

ональности», «представители одной веры», «люди одного поколения», «люди одной профессии», «люди одного достатка»);

– отношение к стране, ее истории (проявление чувства гордости за страну; объекты гордости за страну; проявление чувства стыда за страну; объекты стыда за страну; оценка наличия народного единства в стране; факторы народного единения, его отсутствия);

– гражданская позиция (согласие или несогласие с утверждениями, описывающими разные проявления гражданской позиции).

Для того чтобы оценить социальную интеграцию в комплексе, была создана и рассчитана новая переменная «уровень социальной интеграции населения», включающая ассоциативную связь респондентов с гражданами России, ощущение близости с группами, чувство гордости за страну, оценку наличия народного единства в России, активную гражданскую позицию. Полученная переменная представлена как порядковая (ранговая) шкала. Уровень социальной интеграции населения показан как низкий, средний и высокий. В соответствии с этим выборочная совокупность была разделена по уровню социальной интеграции населения на три группы (с низким, средним, высоким уровнем социальной интеграции).

В опросе принимали участие лица в возрасте 18–70 лет, проживающие на территории исследуемых регионов (N = 1700). Методом сбора информации послужило анкетирование (очное, а также онлайн-анкетирование). Полученные данные были проанализированы с помощью методов математико-статистической обработки данных (статистического пакета IBM SPSS Statistics 23.0): частотный анализ, таблицы сопряженности с применением статистических критериев, анализ множественных ответов, факторный анализ.

Алтайский край входит в состав Сибирского федерального округа, имеет государственную границу с Республикой Казахстан. Численность населения составляет 2296353 человека (согласно данным Единой межведомственной информационно-статисти-

ческой системы³). Край является многонациональным регионом, в нем проживают русские (93,9%), немцы (2,1%), украинцы (1,4%), казахи (0,3%), армяне (0,3%), татары (0,3%), белорусы (0,2%), алтайцы (0,1%), кумандинцы (0,1%) (согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года). Алтайский край занимает 41 место (38,86 балла) согласно рейтингу социально-экономического положения регионов по итогам 2020 года⁴.

Калининградская область входит в состав Северо-Западного федерального округа, имеет государственную границу с Польшей, Литвой. Численность населения – 1018624 человека. Доля русских среди жителей – 86,4%, украинцев – 3,7%, белорусов – 3,6%, литовцев – 1,1%, армян – 1,1%, немцев – 0,8%, татар – 0,5% (согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года). В рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2020 года Калининградская область заняла 32 место (41,812 балла).

Воронежская область входит в состав Центрального федерального округа, имеет государственную границу с Украиной. Численность населения региона – 2305608 человек. В области проживают представители разных национальностей, наиболее многочисленные из них русские (90,9%), украинцы (1,84%), армяне (0,4%), цыгане (0,2%), азербайджанцы (0,2%) (по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года). Согласно рейтингу социально-экономического положения регионов по итогам 2020 года Воронежская область занимает 16 место по России (интегральный рейтинг – 53,969 балла).

Хабаровский край входит в Дальневосточный федеральный округ, имеет государственную границу с Китайской Народной Республикой. Численность населения составляет 1301127 человек. В регионе проживают представители разных национальностей: русские (91,8%), украинцы (2,1%), нанайцы (0,8%), корейцы (0,6%), татары (0,6%) и дру-

гие (согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года). В рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2020 года Хабаровский край занял 40 место (38,955 балла).

Рассмотренные регионы являются приграничными, имеют полиэтничный характер, на их территориях проживают представители различных национальностей, однако русское население преобладает. Субъекты различаются по социально-экономическому положению.

Основные результаты исследования

Для того чтобы изучить идентичность жителей регионов, были проанализированы ответы респондентов на вопрос об ассоциировании себя с гражданином России (россиянином), а также о степени их близости с гражданами России, жителями региона, жителями населенного пункта, представителями одной национальности, представителями одной веры, людьми одного поколения, людьми одной профессии, людьми одного достатка. Население приграничных регионов, как правило, ассоциирует себя с гражданами России, на это указали 94,2% жителей приграничных регионов. При этом чем они старше, тем чаще ассоциируют себя с россиянами (до 30 лет – 89,6%, 31–49 лет – 95,7%, 50 лет и старше – 97,8%). Высокий уровень такой ассоциации отмечен у жителей Воронежской области (97,3%; табл. 1).

Наиболее значимой является гражданская идентичность. Близость в значительной степени жители регионов чаще всего ощущают с представителями общности граждане России (54,2%). Также значимы территориальная и профессиональная идентичности, 53,0% населения испытывает близость в значительной степени с жителями населенного пункта, 52,7% – с людьми одной профессии (рис.).

Близость с этими и другими общностями (жители региона, представители на-

³ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

⁴ Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021 / РИА-Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html>

Таблица 1. Ассоциирование жителями себя с гражданами России в зависимости от региона и возраста, %

Ассоциируете ли Вы себя с гражданином России, т. е. россиянином?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Всего	94,2	5,2	0,6
Регион			
Алтайский край	91,2	6,4	2,4
Воронежская область	97,3	2,7	0
Калининградская область	94,2	5,8	0
Хабаровский край	94,3	5,7	0
Возраст			
До 30 лет	89,6	9,3	1,1
31–49 лет	95,7	4,3	0
50 лет и старше	97,8	2,2	0

Источник: результаты социологического исследования.

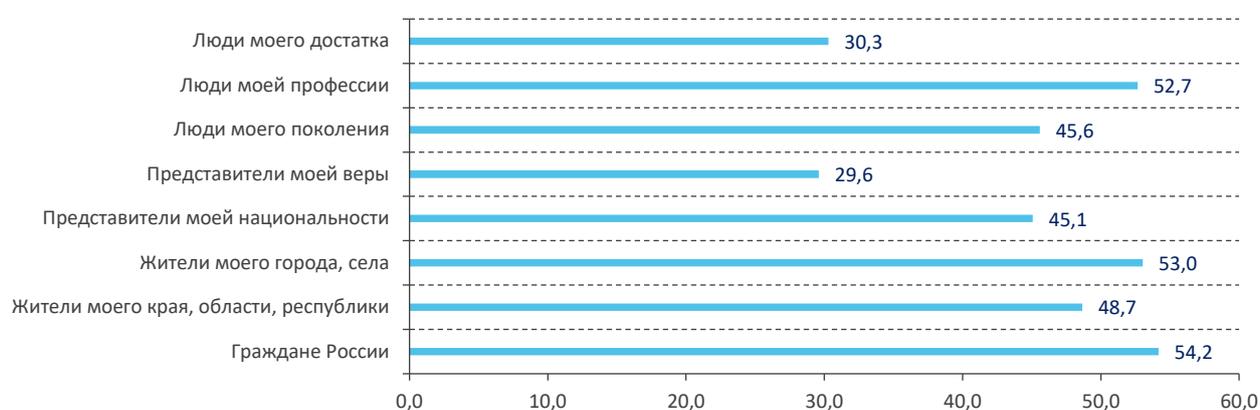

Рис. Близость в значительной степени с общностями, %

Источник: результаты социологического исследования.

циональности, представители веры, люди одного поколения, люди одного достатка) чаще всего ощущают жители Воронежской области. Люди, проживающие в Алтайском и Хабаровском краях, наоборот, чаще других отмечают отсутствие близости или ощущают ее крайне редко. Различается ощущение близости к определенным общностям в зависимости от возраста. Близость в значительной степени с жителями края, города или села, представителями одной веры, одного поколения и одной профессии чаще отмечается среди старшего поколения (от 50 лет). Имеются значимые различия в зависимости от пола (женщины чаще мужчин испытывают близость в значительной степени к представителям общностей) и национальной принадлежности

(русские чаще, чем представители других национальностей, испытывают высокую степень близости со всеми рассмотренными общностями).

Далее были рассмотрены испытываемые населением положительные и отрицательные чувства по отношению к России. Испытывают чувство гордости за свою страну 87,3% жителей, чувство стыда – 75,5%. При этом женщины чаще указывают на испытываемую гордость (89,4% – женщины, 83,2% – мужчины), а мужчины – на чувство стыда (74,1% – женщины, 78,6% – мужчины). Чаще гордость за свою страну испытывает более взрослое поколение (77,7% – до 30 лет, 88,6% – 31–49 лет, 92,2% – 50 лет и старше), а также русские (русские – 89,4%, представители других национальностей – 79,2%).

Это чувство наиболее выражено у жителей Воронежской области (92,3%; табл. 2).

Чувство гордости у жителей чаще всего вызывают Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (60,5% наблюдений), великие российские поэты, писатели, композиторы (44,4%), российский народ, его характер и менталитет, способность стойко переносить трудности, находить выход в сложных ситуациях (33,1%). У молодых людей (в возрасте до 30 лет) в тройку наиболее популярных причин для гордости входят достижения российской науки и техники (36,9% наблюдений), особенности русского народа для них на четвертом месте (24,4%). От общего распределения ответов отличаются ответы жителей Алтайского края: среди причин для гордости здесь наиболее значимые – победа в войне 1941–1945 гг. (51,1% наблюдений), великие российские поэты, писатели, композиторы (39,4%) и природные богатства России (третье место, 29,7%). Особенности русского народа занимают шестую строчку по популярности (19,7% наблюдений).

Наиболее популярными причинами, которые вызывают чувство стыда у населения,

являются следующие: низкий уровень жизни, низкие заработные платы, безработица, нищета (68,3% наблюдений), коррупция, бюрократия (54,4%), положение дел в образовании, здравоохранении (32,1%).

В качестве одного из показателей социальной интеграции жителей рассмотрены их взгляды на наличие народного единства в стране. По мнению 33,3% респондентов сегодня в России есть народное единство, 53,4% – считают, что его нет, 13,3% – затруднились ответить. На его наличие чаще указывают жители Алтайского края (39,1% – Алтайский край, 36,2% – Калининградская область, 30,6% – Воронежская область, 28,4% – Хабаровский край), а также представители старшего поколения (37,5% – 50 лет и старше, 32,2% – до 30 лет, 29,0% – 31–49 лет; табл. 3). Те, кто считает, что единение народа в России есть, утверждают, что этому в большей мере способствует объединение россиян в трудные минуты (62,8% наблюдений), сильные исторические традиции, объединяющие российский народ (59,4%), менталитет, культура русских (40,4%). Отмечающие отсутствие народного единства обосновывают его тем,

Таблица 2. Испытываемые чувства гордости и стыда за страну в зависимости от пола, возраста, национальной принадлежности респондента, региона, %

Приходилось испытывать чувство гордости за страну		Приходилось испытывать чувство стыда за страну	
Всего	87,3	Всего	75,5
Пол		Пол	
Женский	89,4	Женский	74,1
Мужской	83,2	Мужской	78,6
Возраст		Возраст	
До 30 лет	77,7	До 30 лет	77,7
31–49 лет	88,6	31–49 лет	73,7
50 лет и старше	92,2	50 лет и старше	75,5
Национальность		Национальность	
Другие национальности	79,2	Другие национальности	79,7
Русские	89,4	Русские	74,6
Регион		Регион	
Алтайский край	82,2	Алтайский край	74,2
Воронежская область	92,3	Воронежская область	73,5
Калининградская область	88,9	Калининградская область	77,0
Хабаровский край	85,3	Хабаровский край	77,1
Источник: результаты социологического исследования.			

Таблица 3. Мнения о наличии народного единства в стране в зависимости от региона проживания и возраста респондентов, %

Есть ли в России, по Вашему мнению, сегодня народное единство или нет?	Скорее есть	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
Всего	33,3	53,4	13,3
Регион			
Алтайский край	39,1	47,1	13,8
Воронежская область	30,6	55,9	13,4
Калининградская область	36,2	51,4	12,4
Хабаровский край	28,4	58,8	12,8
Возраст			
До 30 лет	32,2	52,6	15,2
31–49 лет	29,0	59,9	11,1
50 лет и старше	37,5	49,6	12,9
Источник: результаты социологического исследования.			

что народ живет в нищете, между богатыми и бедными существует большая разница (75,7% наблюдений), люди стали более озлобленными (50,9%), нет единой цели, идеи, патриотизма (50,2%).

Жителям приграничных регионов были предложены к оценке утверждения, касающиеся их гражданской позиции. В результате факторного анализа получена трехфакторная структура, объясняющая 43,3% общей дисперсии переменных.

В первый фактор (информативность – 23,6%, суммарный вес $\lambda = 2,8$) с максимальными нагрузками вошли следующие утверждения:

- пишу письма в средства массовой информации, комментарии к новостным лентам на общественно значимые темы, подписываю петиции (0,758);

- использую онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов в целях доведения до властей общественных проблем (например, «Убитые дороги», «Российская общественная инициатива» и т. п.) (0,645);

- размещаю или распространяю информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы, на персональной странице в интернете, в блоге, на странице в социальных сетях (0,634);

- пишу письма руководству (страны, региона, поселения), хожу на прием в органы

власти для решения личных или общественных проблем (0,592).

Данный фактор отражает активную жизненную позицию населения регионов, привлечение внимания к значимым проблемам посредством СМИ, интернета, онлайн-сервисов, писем руководству и встреч с представителями органов власти.

Второй фактор (информативность – 10,7%, суммарный вес $\lambda = 1,3$) дает представление об активном участии в общественной, культурной и спортивной жизни населения и включает в себя следующие характеристики:

- участвую в благотворительных и волонтерских проектах и программах (сдаю кровь в рамках участия в программе донорства, помогаю бездомным животным, участвую в субботниках, экологических акциях, помогаю малоимущим, людям в сложной ситуации, участвую в поисковых отрядах по розыску пропавших людей и т. п.) (0,724);

- участвую в акциях по пропаганде здорового образа жизни, спорта, активного отдыха, организации культурно-массовых мероприятий (0,678);

- хожу на выборы (0,568);

- являюсь членом общественной организации, объединения, группы добровольцев, участвую в работе ТОСа, ТСЖ, садового товарищества (0,469).

В третий фактор (информативность – 9,0%, суммарный вес $\lambda = 1,1$), отражающий

Таблица 4. Уровень социальной интеграции населения в зависимости от социально-демографических показателей, %

Социально-демографические группы	Уровень социальной интеграции		
	низкий уровень социальной интеграции	средний уровень социальной интеграции	высокий уровень социальной интеграции
Возраст			
До 30 лет	38,1	42,7	19,2
31–49 лет	30,0	36,4	33,6
50 лет и старше	22,9	36,2	40,9
Пол			
Женский	25,9	39,0	35,1
Мужской	40,6	36,4	23,1
Национальная принадлежность			
Русские	28,2	38,3	33,4
Другие национальности	43,3	35,3	21,3

Источник: результаты социологического исследования.

активное участие жителей в политической жизни страны, вошли утверждения:

- принимаю участие в общественных или политических митингах, демонстрациях, акциях, челленджах, флешмобах (0,699);

- участвую в политических дебатах, посещаю встречи, выступления политических деятелей, интересуюсь политической повесткой страны (0,661);

- ношу или использую символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т. п. (0,650).

Таким образом, гражданская позиция жителей приграничных регионов реализуется чаще всего посредством привлечения внимания к проблемам, попыткам решения через средства массовой информации, интернет, онлайн-сервисы. Менее популярным видом проявления гражданской позиции, но тем не менее значимым, выступает активное участие жителей в общественной, культурной, спортивной, а также политической жизни страны.

С целью рассмотрения показателей социальной интеграции в комплексе была создана новая переменная «уровень социальной интеграции населения», включающая ассоциативную связь с россиянами, ощущение близости с группами, чувство гордости за Россию, наличие народного единства жителей страны, активную гражданскую

позицию. Уровень социальной интеграции населения представлен как низкий, средний и высокий. В соответствии с этим выделены группы жителей с низким, средним и высоким уровнем социальной интеграции. Выявлены значимые различия (χ^2 , $p \leq 0,05$) среди данных групп в зависимости от социально-демографических показателей (возраст, пол, национальная принадлежность). На высокий уровень социальной интеграции чаще указывают представители более старшего поколения, женщины, русские (табл. 4).

Обсуждение

Отмечена тенденция, согласно которой жители регионов стали чаще испытывать чувство стыда за свою страну, а также реже указывать на наличие в России народного единства. Согласно результатам исследования «Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов» (Максимова, Морковкина, 2017) гордость за свою страну испытывали 89,5% жителей приграничных регионов (сейчас 87,3%), чувство стыда – 57,0% (сейчас 75,5%). Наиболее актуальными основаниями для гордости в 2017 году были Победа в Великой Отечественной войне, авторитет России в мире, Президент России Владимир Путин. Причинами чувства стыда являлись низкий уровень жизни, низкие зарплаты, безрабо-

тица, нищета; коррупция, бюрократия; упадок промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом. Культурное достояние и особенности российского народа (в качестве причины для гордости) и положение дел в образовании и здравоохранении (в качестве причины для стыда) тогда для жителей приграничных регионов были менее значимы (Максимова, Морковкина, 2017).

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в 2015 году, 56,3% жителей регионов указывали на то, что в настоящий момент в стране есть гражданское единство, 32,6% – считали, что его нет, 11,1% – затруднились с ответом (Максимова и др., 2016). Такая тенденция наблюдается уже несколько лет и подтверждается данными Всероссийского центра изучения общественного мнения 2019 года: в том, что в России есть единство народа, убеждена треть опрошенных (37,0%). По сравнению с 2017 годом доля россиян, говорящих о наличии народного единства в государстве, снизилась на 17 процентных пунктов⁵. Данные факты оказывают негативное влияние на уровень социальной интеграции населения, следовательно, требуют дальнейшего детального изучения.

Заключение

По результатам социологического исследования, проведенного в четырех приграничных регионах России, были сделаны следующие выводы.

У жителей этих территорий отмечен высокий уровень гражданской идентичности (ассоциируют себя с гражданами России почти 95% населения). Наряду с гражданской значимыми являются территориальная и профессиональная идентичности.

Для описания гражданской позиции жителей регионов было выделено три фактора. Первый фактор, наиболее значимый в настоящее время, указывает на активную жизненную позицию населения, привлечение внимания к значимым проблемам посред-

ством СМИ, интернета, онлайн-сервисов, что объясняется информатизацией и цифровизацией современного общества. Менее популярными факторами гражданской позиции, однако также значимыми, выступают активное участие жителей в общественной, культурной, спортивной жизни страны (второй фактор), а также активное участие в политической жизни страны (третий фактор).

Отмечено, что за последние годы (в сравнении с данными 2017 года) население стало чаще испытывать чувство стыда за свою страну, о чувстве гордости люди говорят немного реже. Изменилось мнение относительно наличия народного единства в стране (в сравнении с результатами исследования 2015 года, а также на основании данных ВЦИОМ). Ранее на то, что народное единство есть, жители указывали значительно чаще. На наш взгляд, это негативно сказывается на уровне социальной интеграции населения. Следовательно, вопросы, связанные с процессами социальной интеграции в современном обществе, требуют дальнейшего детального изучения. Необходимо разработать комплекс мер, направленных на улучшение ситуации.

Выявлено, что уровень социальной интеграции зависит от таких социально-демографических показателей, как возраст, пол, национальная принадлежность (представители старшего поколения, женщины, русские чаще указывают на показатели, характеризующие высокий уровень социальной интеграции). Отмечено, что некоторые показатели социальной интеграции наиболее ярко выражены у жителей Воронежской области (гражданская идентичность, близость с общностями «жители региона», «представители одной национальности», «представители одной веры», «люди одного поколения», «люди одного достатка», испытываемое чувство гордости), что может быть связано с наиболее благоприятным социально-экономическим положением региона.

⁵ Народное единство: мечта или реальность? / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-mechta-ili-realnost> (дата обращения 24.01.2022).

ЛИТЕРАТУРА

- Гидденс Э. (2005). Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический проект. 528 с.
- Гофман А.Б. (2012). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. Сер.: Теория и история социологии. С. 97–167.
- Дробижева Л.М. (2017). Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31.
- Дубровин М.А. (2021). Социальная интеграция государства в условиях глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. № 6 (108). С. 89–91. DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.152
- Дюркгейм Э. (1991). О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука. 575 с.
- Каменева Т.Н., Абраменко А.А. (2018). К вопросу о безопасности жизнедеятельности в приграничном регионе // Россия: тенденции и перспективы развития. № 13 (2). С. 83–85.
- Константинова Л.В. (2019). Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. № 8. С. 19–29.
- Максимова С.Г., Морковкина А.Г. (2017). Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // Siberian Socium. Т. 1. № 1. С. 76–83. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-57-61
- Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимов М.Б. (2016). Гражданские позиции как основа формирования народного единства населения приграничных регионов современной России // Вестник АГАУ. № 8 (142). С. 177–184.
- Милкина Л.И. (2014). Теоретико-методологические подходы к исследованию интеграции общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 6 (1). С. 104–106.
- Мукомель В.И. (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. № 14. С. 411–467.
- Сарыглар С.А., Максимова С.Г. (2019). Специфика и практики социальной интеграции мигрантов из стран СНГ в российских приграничных регионах // Социодинамика. № 6. С. 13–22.
- Сорокин П.А. (2002). Социальная аналитика. Анализ элементов взаимодействия // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. / сост. и общ. ред. С.П. Баньковская. М.: Университет. Ч. 2. С. 136–156.
- Спенсер Г. (1998). Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. М.: Современный литератор. 1408 с.
- Табылгинова Л.А. (2011). Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» // Ученые записки ЗабГУ. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. № 4. С. 196–201.
- Тихомирова Е.С. (2016). Ключи к интеграции в России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 3. № 9. С. 206–218.
- Шадже А.Ю., Куква Е.С. (2020). Ресурс доверия и сплоченности в интеграции региональных сообществ в условиях пандемии (по результатам социологического исследования) // Гуманитарий Юга России. № 6. С. 178–190.
- Шахова Е.В., Максимова С.Г. (2019). Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае) // Социодинамика. № 8. С. 1–12.
- Щеглова Д.К., Суртаева О.В., Сарыглар С.А. (2020). Национальная идентичность молодежи Алтайского края: причины и особенности формирования // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 3. № 9. С. 251–255.
- Berger P., Luckmann T. (1979). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Penguin Books, London.
- Careja R., Bevelander P. (2018). Using population registers for migration and integration research: Examples from Denmark and Sweden. *CMS*, 6 (19). Available at: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0076-4>
- Cosciug A. (2018). Measuring integration in new countries of immigration. *Social Change Review*, 16 (1-2), 93–121. DOI: 10.2478/scr-2018-0003
- Giddens A. (1982). *Profiles and Critiques in Social Theory*. Macmillan, London.
- Habermas J. (1984). *Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society*. Beacon Press, Boston.

- Harder N., Figueroa L., Gillum R.M., Hangartner D., Laitin D.D. (2018). Multidimensional measure of immigrant integration. *Pnas.*, 115 (45), 11483–11488.
- Jimenez T.R. (2011). *Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society?* Migration Policy Institute, Washington DC.
- Parsons T. (1973). *Some Afterthoughts on «Gemeinschaft and Gesellschaft». A New Evaluation.* Essays and Documents, 151–159.
- Wang M., Ning Y. (2016). The Social Integration of Migrants in Shanghai's Urban Villages. *China Review*, 16 (3), 93–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Владимировна Шахова – лаборант-исследователь, Алтайский государственный университет (Российская Федерация, 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61; e-mail: ews05@yandex.ru)

Shakhova E.V.

FEATURES OF SOCIAL INTEGRATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

The processes that contribute to the growth of disunity around the world make it important to study the issues of social integration of the population. The purpose of the study is to examine the features of social integration of the population in the border regions of the Russian Federation, which differ in socio-economic situation (Altai Krai, the Kaliningrad Oblast, the Voronezh Oblast, Khabarovsk Krai), based on the following indicators: identity, civic position, sense of pride or shame for one's country, national unity in Russia. This paper presents an analysis of the results of a sociological study conducted in 2021 in the above-mentioned regions. We have found that the considered indicators of social integration of the population depend on socio-demographic indicators (age, gender, nationality). Residents have a high level of civic identity; territorial and professional identities are relevant. The civic position of residents of border regions is implemented most often by drawing attention to problems, attempts to solve them using the media, the Internet, and online services. Less popular forms of citizenship are active participation in the public, cultural, sports, and political life of the country. There is a negative trend associated with the fact that residents of the regions began to feel ashamed of their country more often and spoke less often about the national unity in Russia. These changes have a negative impact on the level of social integration of the population in the border regions of the country. Consequently, these issues require detailed study, development and adoption of a set of measures to improve the situation.

Social integration, border regions, identity, citizenship, sense of pride, sense of shame, national unity.

REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. (1979). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge.* London: Penguin Books.
- Careja R., Bevelander P. (2018). Using population registers for migration and integration research: Examples from Denmark and Sweden. *CMS*, 6(19). Available at: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0076-4>
- Cosciug A. (2018). Measuring integration in new countries of immigration. *Social Change Review*, 16(1-2), 93–121. DOI: 10.2478/scr-2018-0003
- Drobizheva L.M. (2017). National identity as a means of reducing ethnic negativism. *Mir Rossii*, 26(1), 7–31 (in Russian).

- Dubrovin M.A. (2021). Rights and freedoms of citizens within the concept framework of state cycles. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal=International Research Journal*, 6(108), 89–91. DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.152 (in Russian).
- Durkheim É. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. Moscow: Nauka.
- Giddens A. (1982). *Profiles and Critiques in Social Theory*. Macmillan, London.
- Giddens A. (2005). *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. 2nd. ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Gofman A.B. (2012). Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Sotsiologicheskii ezhegodnik. Ser.: Teoriya i istoriya sotsiologii* [Sociological Yearbook. Series: Theory and History of Sociology] (in Russian).
- Habermas J. (1984). *Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society*. Boston: Beacon Press.
- Harder N., Figueroa L., Gillum R.M., et al. (2018). Multidimensional measure of immigrant integration. *Pnas.*, 115(45), 11483–11488.
- Jimenez T.R. (2011). *Immigrants in the United States: How Well Are They Integrating into Society?* Migration Policy Institute, Washington DC.
- Kameneva T.N., Abramenko A.A. (2018). On the issue of life safety in the border region. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya=Russia: Trends and Development Prospects*, 13(2), 83–85 (in Russian).
- Konstantinova L.V. (2019). Integration potential of society: A conceptualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8, 19–29 (in Russian).
- Maksimova S.G., Morkovkina A.G. (2017). The image of Russia in contemporary representations by the population of the border regions. *Siberian Socium*, 1(1), 76–83. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-1-57-61 (in Russian).
- Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimov M.B. (2016). Civic positions as the basis for the formation of the national unity of the population of the border regions of contemporary Russia. *Vestnik AGAU=Bulletin of Altai State Agricultural University*, 8(142), 177–184 (in Russian).
- Milkina L.I. (2014). Theoretical and methodological approaches to the study of society integration. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki=Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 6(1), 104–106 (in Russian).
- Mukomel' V.I. (2016). Adaptation and integration of migrants: Methodological approaches towards assessment of policy effectiveness and the role of the receiving society. *Rossiya reformiruyushchayasya=Reforming Russia*, 14, 411–467 (in Russian).
- Parsons T. (1973). Some afterthoughts on “Gemeinschaft and gesellschaft”. *A New Evaluation. Essays and Documents*, 151–159.
- Saryglar S.A., Maksimova S.G. (2019). Specifics and practices of social integration of migrants from CIS countries in Russian border regions. *Sotsiodinamika= Sociodynamics*, 6, 13–22 (in Russian).
- Shadzhe A.Yu., Kukva E.S. (2020). Resource of trust and cohesion in regional societies integration in a pandemic (based on the results of sociological survey). *Gumanitarii Yuga Rossii=Humanities of the South of Russia*, 6, 178–190 (in Russian).
- Shakhova E.V., Maksimova S.G. (2019). Interethnic interaction and social integration of the population as interrelated processes (based on the results of a sociological study in Altai Krai). *Sotsiodinamika=Sociodynamics*, 8, 1–12 (in Russian).
- Shcheglova D.K., Surtaeva O.V., Saryglar S.A. (2020). National identity of youth in the Altai Krai: Reasons and features. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve=Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*, 3(9), 251–255 (in Russian).
- Sorokin P.A. (2002). Social Analytics. Analysis of the elements of interaction. In: Ban'kovskaya S.P. (Ed.) *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya: v 2 ch.* [Theoretical Sociology: An Anthology: in 2 Parts]. Moscow: Universitet. Part 2 (in Russian).
- Spencer H. (1998). *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie* [Experiments in Science, Politics, and Philosophy]. Translated from English. Moscow: Sovremenniy literator.

- Tabylginova L.A. (2011). The main scientific approaches to the concept of “Social Integration”. *Uchenye zapiski ZabGU. Ser.: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota=Scientific Notes of TSU. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*, 4, 196–201 (in Russian).
- Tikhomirova E.S. (2016). Keys to integration in Russia. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve=Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*, 3(9), 206–218 (in Russian).
- Wang M., Ning Y. (2016). The social integration of migrants in Shanghai's urban villages. *China Review*, 16(3), 93–120.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Shakhova – laboratory researcher, Altai State University (61, Prospekt Lenina, Barnaul, 656049, Russian Federation; e-mail: ews05@yandex.ru)